

Рауф Шумяков

Константин Годунов. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с. ISBN 9785943803604.

Рауф Шумяков, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. rshumyakov@eu.spb.ru.

Феномен советского праздника не раз становился предметом исследования. Историки изучали советский праздник как средство коммуникации власти и общества, как способ конструирования советской идентичности и мифологии советской власти, как инструмент формирования ключевых символов и ритуалов нового режима (Барышева 2020; Плаггенборг [1996] 2000; Рольф [2006] 2009; Stites 1989; Von Geldern 1993). Кроме того, исследователей интересовал не только политический смысл празднований, но также эстетические аспекты и региональные особенности советских торжеств (Мазаев 1978; Малышева 2005; Шаповалов 2012; Von Geldern 1993).

Продолжая традиции изучения советских праздников, историк Константин Годунов в монографии «“Красная Пасха”: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны» задается целью прояснить, как участие различных внутрипартийных групп в политике Советской России в первые после-революционные годы отразилось на характере советских праздничных ритуалов, как советские праздники воспринимались политическими оппонентами и врагами большевиков, а также каким образом политический контекст сказывался на празднованиях годовщин Революции. Иными словами, праздник 7 Ноября стал призмой, через которую автор взглянул на феномен ранней советской власти в период Гражданской войны.

В отличие от предшественников, рассматривавших советскую праздничную культуру на материалах многих торжеств, исследование Годунова сосредоточено исключительно на праздновании Дня пролетарской революции в 1918–1920 годах. Такой фокус позволил автору детально проанализировать особенности организации связанных с этим днем торжеств, состав участников и организаторов, а главное – реконструировать эмоциональную и символическую стороны этого советского праздника. Источниковую основу исследования составили делопроизводственная документация и праздничные телеграммы, материалы личного происхождения и пресса. Автором было задействовано девять архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Петрозаводска, использовано более шестидесяти центральных и региональных периодических изданий.

Ключевым аналитическим понятием автора монографии является «политическая культура», которое он вслед за исследовательницей Французской революции Линн Хант понимает как «ценности, ожидания и неявные правила, отражавшие и формировавшие коллективные намерения и действия» (с. 12). Если ранее ученые писали о празднике как способе трансляции политических идей партией больше-

виков, то есть «сверху вниз», от элиты к народу, то Годунов представляет этот процесс совсем иначе. По его мнению, принимавшие участие в организации торжеств большевики были лишь одними из многих участников наряду с представителями других партий и общественных объединений. Они не обладали достаточной властью, чтобы полностью контролировать этот процесс в первые послереволюционные годы. К тому же и среди членов РКП(б) возникали внутренние противоречия по вопросу о смыслах и ритуалах главного советского праздника. Более того, являясь носителями культуры революционного подполья с характерными для нее символами, ритуалами и сценариями празднований, большевики имели во многом схожие со своими политическими оппонентами идеи и в отношении того, что праздновать, и как именно это делать.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения. В первой главе рассмотрены организация и политические конфликты вокруг празднований 1 мая 1918 года и 7 ноября 1918–1920 годов. Если первый праздник важен для автора, поскольку стал переходным этапом от «праздников Свободы» 1917 года к собственно советским праздникам (с. 22), то вторая дата интересна ему в качестве «праздника основания» Советского государства. Годунов показывает отношение к Первомайским торжествам различных политических сил, а также сторонних наблюдателей и участников. Как он сам пишет, свидетели торжества 1918 года продемонстрировали единство в оценке этого события, считая 1 Мая «казенным» в отличие от «настоящего» праздника революции, организованного годом раньше и вызвавшего у населения энтузиазм и поддержку. Таким образом, приведенные Годуновым оценки свидетелей и участников торжеств высветили ситуацию многомерного кризиса в отношениях большевиков с их политическими оппонентами.

Одно из важных авторских наблюдений связано с организационной стороной истории Дня пролетарской революции в 1918–1920 годах. Так, если в 1918 году ключевую роль в организации октябрьских торжеств играли Советы, то в 1919 году чаша весов начала склоняться в пользу органов коммунистической партии. Этапным автор считает 1920 год, когда «ресурс празднований окончательно перешел в ведение большевиков» (с. 40); до этого времени большевики были лишь одними из многих акторов, участвовавших в организации торжеств. Более того, если в Петрограде правящая партия стремилась монополизировать контроль над организацией праздника, то в Петрозаводске большевики были готовы предоставить оппонентам – меньшевикам, левым эсерам, анархистам – право выступить на праздничном митинге, идти в одной колонне с ними. Автор рассматривает празднования и на других территориях, подконтрольных Советам (в частности, Новгород, Брянск и Коканд).

Во второй главе Годунов фокусируется на анализе языка описания празднований революции. Он показывает, что составители праздничных телеграмм и корреспонденты большевистских газет изображали это событие как эмоционально значимое и приглашали сторонников «рабоче-крестьянской власти» к переживанию таких эмоций как «энтузиазм» и «экстаз», тогда как «врагам» революции они приписывали чувства «ненависти» и «страха». При этом речь шла не о реальных чувствах участников, а о нормативных эмоциональных режимах, которые, по мыс-

ли организаторов торжеств, должны были принимать сторонники и противники Октября. Говоря об эмоциях, авторы публикаций укрепляли новые социальные иерархии. В частности, они указывали на отсутствие у «буржуазии» и части интеллигенции энтузиазма во время праздника, что интерпретировалось сторонниками коммунистов как враждебность идеалам революции (с. 93).

В третьей главе книги речь идет о религиозной символике праздника. Использование христианских текстов и образов, таких как «Голгофа» или «Светлое Воскресение», при описании октябрьских торжеств автор книги объясняет стремлением организаторов сделать революционные символы и ритуалы более понятными и доступными для населения. Вместе с тем, как замечает Годунов, в ряде случаев они понимались и использовались участниками революционных торжеств иначе, чем планировали организаторы. Так, в Олонецком уезде в 1918 году празднование 7 Ноября сопровождалось колокольным звоном и богослужениями (с. 131). Автор утверждает, что такого рода празднование годовщин «было техникой воспитания чувств, и эти чувства должны были иметь отчетливый сакральный оттенок» (с. 133).

Сакрализация революционного праздника влекла за собой и сакрализацию революционного насилия, чему посвящена четвертая глава монографии. Контекст Гражданской войны и продолжавшегося красного террора играл особую роль при проведении первой годовщины Октября. Оппоненты большевиков и некоторые умеренные коммунисты пытались использовать потенциал праздника для смягчения революционного насилия, добивались амнистии заключенных. Эти усилия имели частичный успех (с. 155–156). Чаще всего, однако, праздничные заявления авторитетных большевистских лидеров, организуемые по случаю торжеств пропагандистские акции и праздничные телеграммы легитимировали продолжение и усиление террора.

Оригинальной выглядит авторская интерпретация случаев сожжения чучел «врагов» в дни октябрьских торжеств. И ранее исследователи отмечали, что празднование 7 Ноября сопровождалось сожжением чучел фигур, служивших для советской власти воплощением «врага». Поэтому среди сожженных оказывались кулаки, буржуи, генералы, попы, а также конкретные политики и деятели «мировой буржуазии». Однако дело не шло далее констатации, что подобные случаи имели место (Stites 1989; Von Geldern 1993). Годунов же, отталкиваясь от мысли Моны Озуф о «насилии, которое дремлет внутри праздника» ([1976] 2003:129) и наблюдений Натали Земон Дэвис (Davis 1973) об обрядах религиозного насилия во Франции XVI века, предлагает видеть в обряде сожжения чучел способ оправдания насилия реального через насилие символическое. Хотя историк и не утверждает этого напрямую, можно предположить, что годовщины Октября сыграли свою роль в эскалации красного террора.

В пятой главе речь идет о культурах вождей. Переименование улиц и площадей в честь лидеров коммунистического движения, установка бюстов и выставление плакатов вождей в дни праздника – все эти действия были призваны обозначить символическое присутствие лидеров там, где они отсутствовали физически (с. 175). Заклучавшие в себе идеи скорой победы мировой революции и особой

связи вождей и детей, а также связывавшиеся с культом борцов за свободу, репрезентации большевистских лидеров закладывали основу для культов советских лидеров в более поздние годы. Годунов утверждает, что к 1920 году образ вождя революции относился не столько к Владимиру Ленину, сколько был собирательным и складывался на основе общих черт сразу нескольких руководителей (с. 189). К сожалению, это интересное наблюдение автор лишь пунктирно обозначил, но не конкретизировал.

Размышляя о характере советских массовых праздников, немецкий историк Мальте Рольф полагал, что торжества играли ключевую роль в процессе внутренней советизации общества, легитимации власти большевиков и создания нормативной советской культуры, то есть «официального канона практик, символов и риторических фигур» ([2006] 2009:16). Иными словами, праздник рассматривался им как инструмент власти по управлению обществом. Годунов, в отличие от Рольфа, показал, что День Революции в первые три года не был готовым идеологическим продуктом со сложившимися ритуалами празднования. Этот день не придумали большевики – наоборот, как показывает Годунов, этот праздник представляет собой многомерную картину взаимодействия разных политических акторов. Тот факт, что действия организаторов торжеств в разных городах были схожими, исследователь объясняет не высокой организационной способностью большевиков, но общностью символического сознания участников революционного движения, в котором большевики были только одной из множества групп.

Таким образом, как показывает автор, День пролетарской революции вобрал в себя культурные традиции античности, Французской революции, монархических церемоний периода Российской империи и празднеств Февральской революции. Так, советские праздники революции первых послереволюционных лет оказались столь же синкретичными и разнообразными, как и «праздники Свободы» 1917 года, описанные в классической работе Бориса Колоницкого «Символы власти и борьба за власть» ([2001] 2012). Первые революционные торжества были лишены догматизма более позднего времени, обладая заметной вариативностью как в центре, так и на местах. Эта вариативность выражалась и в дискурсивной стороне празднований 7 Ноября в годы Гражданской войны: Годунову удалось высветить различные «диалекты» формировавшегося советского политического языка – языка, изучение которого станет насущной задачей советских граждан на многие годы.

В качестве небольшого критического замечания отмечу бросающуюся в глаза неравномерность в распределении материала. В книге в основном идет речь о праздничных мероприятиях 1918 года, в ущерб 1919 и 1920 годам, что вызывает вопросы о степени преемственности первого революционного торжества с мероприятиями последующих лет. В целом же книга, несомненно, заслуживает внимания всех, кто интересуется символическими аспектами советской истории, а также историков Российской революции и гражданской войны. Она также станет хорошим подспорьем для осмысления особенностей советского политического режима и советской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышева, Елена. 2020. *«В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества*. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Колоницкий, Борис. [2001] 2012. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб.: Лики России.
- Мазаев, Анатолий. 1978. *Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования*. М.: Наука.
- Малышева, Светлана. 2005. *Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927)*. Казань: Рутен.
- Озуф, Мона. [1976] 2003. *Революционный праздник: 1789–1799*. М.: Языки славянской культуры.
- Плаггенборг, Штефан. [1996] 2000. *Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма*. СПб.: Журнал «Нева».
- Рольф, Мальте. [2006] 2009. *Советские массовые праздники*. М.: РОССПЭН.
- Шаповалов, Сергей. 2012. *Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг.* Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Davis, Natalie Zemon. 1973. "The Rites of Violence: Religious Riot in Sixteenth-Century France." *Past & Present* 59(1):51–91.
- Stites, Richard. 1989. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- Von Geldern, James. 1993. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley: University of California Press.